

Часы с попугаем

ЧАСЫ С ПОПУГАЕМ

МАРИНА КАРПИЧЕВА

УДК 821.161.1-34
ББК 84(2Рос=Рус)6-442
К26

Карпичева М. Д.
К26 Часы с попугаем: Сказки. — М.: СовА, 2007. — 64 с. — (Волшебные истории).
ISBN 5-9705-0015-1

ISBN 5-9705-0015-1

УДК 821.161.1-34
ББК 84(2Рос=Рус)6-442

© Карпичева М. Д., 2007
© Б. П. Прибылова,
Г. В. Попова, оформление 2007
© Литературно-издательское
агентство «СовА», 2007

ЧАЙ С КРЫЖОВЕННЫМ ВАРЕНЬЕМ
История с домовым

Жил-был домовый. Звали его Иван Иванович. И вот только не надо путать, а то некоторые, те же воробышки с подоконника, словно нарочно путали: то Ваняткой звали, то Ваньком. Нет, уж будьте любезны: именно Иван Иванович. Ведь это был очень почтенный домовый.

И жил он вполне достойно, как полагается всем домовым — за печкой. Вернее сказать, за газовой плитой. Но ведь это, судари мои, та же печка, если живешь на двенадцатом этаже. И дом высотный. И вообще — большой город.

А вот когда-то, было дело, жил Иван Иванович за настоящей печкой, в настоящем деревенском доме, с настоящей бабой Маней.

Да, судари мои, была у нашего Иван Ивановича баба Маня, была коллекция чайных ложечек, и был хороший друг — запечный таракан Терентий. В общем, все как у людей. Печка трещала, баба Маня ворчала, поскольку старушка суровая, а Иван Иванович с Терентием вспоминали молодость. Эх, славно! И жить бы так дальше — себе на радость, людям не в печаль, да как-то раз приехали молодые.

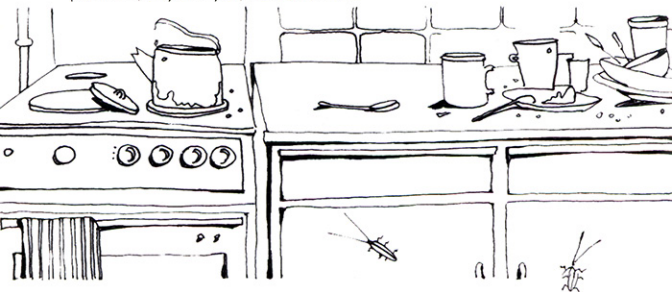

Вот так живешь себе по привычке и на сон грядущий знать не знаешь, что ждут на заре перемены.

А приехали, стало быть, молодые — печку потушили, дом заколотили, а бабе Мане велели собираться в город.

И зачем Иван Ивановичу город? Но баба Маня сурово сказала: «Едем!» Стало быть, делать нечего. Вдохнул Иван Иванович

и покорился судьбе. И с другом сердечно простился. «Прости, — сказал, — если что не так. А может, все же с нами поедешь?» Но Терентий отказался наотрез. «Ни в жисть! — говорит. — Лучше, — говорит, — погибнуть от тоски, чем от карбофосу. И не уговаривай, Иван Иваныч, не покину родные места. Ни в жисть, ни за что, ни за какие коврижки!» «Что ж, прощай, брат!» — сказал Иван Иваныч и вытер рукавом мокрые глаза. «И ты, брат, прощай!» — сказал Терентий и, опустив усы, полез за печь.

А Иван Иваныч и баба Маня поехали. Баба Маня — с самоваром, а Иван Иваныч — с коллекцией чайных ложечек.

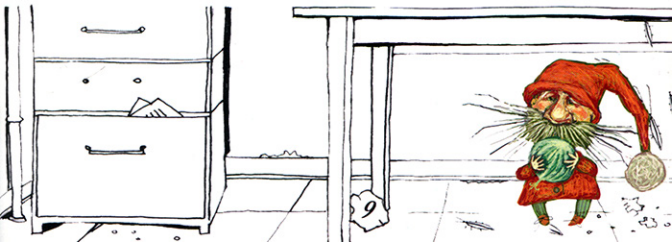
Молодые оказались людьми запылёнными. Они до полуночи гремели на кухне чашками, кричали, спорили о чем-то непонятном, а что хуже всего досаждало — нещадно дымили. Иван Иваныч за сво-

ей газовой печкой-плитой уж так кашлял, так чихал, а когда они наконец затихали, он плакал о загубленной жизни. Бывало, до утра плакал.

Наутро молодые уходили на работу. Баба Маня мела пол, ставила самовар, и бедный Иван Иванович выползал на свет божий.

На свету было не легче. Не помогал даже чай с крыжовенным вареньем.

— Зачем мы здесь? — со слезами вопрошал Иван Иванович.

— Для порядку, — сурово говорила баба Маня, и домовой Иван Иванович покорно принимался помогать бабе Мане наводить чистоту и порядок.

Однажды это случилось.

Баба Маня заболела.

— Ну, так что ж? Захворала. Не все ж здоровой быть да по хозяйству бегать, пора и полечиться, — сказала она Иван Ивановичу, собрала узелок и уехала в больницу.

— Остаешься за хозяина! — добавила она на прощание.

И остался Иван Иванович за хозяина.

Однако молодые нового хозяина не признали. А надо вам сказать, судари мои, что до этого молодые за своими шумными разговорами, что вели над чашками да в сизом дыму, нашего домового и не замечали. А тут нате вам — хозяин!

— Еще чего! — замахали они руками. — Никаких таких нахлебников нам не надо! Не надо нам домовых! Тем более Иван Ивановичей! И откуда только берется такая древность в наше время? Все это чушь и предрассудки.

Иван Иванович обиделся.

Так кто ж, судари мои, не обидится, если к людям со всей душой, а вместо спасибо-благодарствуем они вон как обзываются! А ведь в старину еще сказано и написано: кто старое помянет — тому глаз вон, кто старое забудет — тому оба вон! Иван Иванович за молодыми в оба глаза присматривал, заботился как мог, и до чего дожил? До полной непригодности.

И сидел Иван Иванович за своей опостылевшей печкой-плитой и пуще прежнего плакал о загубленной жизни. Ни во что уже не вмешивался.

А дела у молодых пошли не в лад и невпопад — всё наперекосяк да шиворот-навыворот. Каша пригорала, молоко выкипало, краны то противно дребезжали, то еще противней завывали на весь двенадцатый этаж; да тут еще вдобавок развелись местные тараканы. А местные тараканы, понабежавшие откуда ни попадя, — это вам не брат Терентий! Все они сплошь были жадные и заполошные. Ни стыда, ни совести. Суцная наглость. Иван Иваныч уж на что терпеливый, но со своей полосы за плитой их постоянно гонял. Так дни и шли — в неустройствах да в борьбе с тараканами.

Наконец пришло письмо от бабы Мани. «Как жизнь-то ваша?» — сурово спрашивала она.

«А жизнь наша хуже горькой редьки. Ни чистоты, ни порядку. Каждый день воюем», — честно отвечал Иван Иваныч.

Во втором письме было одно слово: «Срамота».

И после этого не было никаких весточек — баба Маня замолчала.

Вместе с бабой Маней замолчала и кухня. Чашками не стучали, не кричали. Уже и не спорили, да только лучше от этого не стало. Кухня пахла горьким чадом, карбофосом и вином-валерьянкой, разводом-разъездом в разные стороны.

Иван Иваныч задумался.

И, главное дело, посоветоваться не с кем. Не было рядом ни бабы Мани, ни Терентия, а был только он сам,

Иван Иваныч, — один как перст. А кругом и впрямь — срамота во всем доме.

Подумал Иван Иваныч еще немножко — и вылез из-за плиты. Засучил рукава и взялся за дело. Прогнал тараканов. Напрочь. А затем: он все краны починил, все ножи заточил, пол веничком вымет, тряпичей вымыл, ванну до бела отдраил, постарался, воды горячей набрал и глубины не испугался — ох как в пене хорошо он искупался! А бельешко уж заранее постирал да погладил — словом, все успел, все прибрал, все наладил.

Самовар поставил, разложил на столе коллекцию чайных ложек — и стал ждать.

И вот под вечер пришли молодые. Как взглянули, как посмотрели вокруг, так и ахнули. А по правде сказать, она и впрямь ахнула, он-то лишь руками развел от изумления.

— Я не предрассудок! — сурово сказал им Иван Иваныч. — Я не древняя чушь, а самый что ни на есть почтенный домовой. Приехал к вам из деревни, будем вместе жить, бабу Маню ждать. Вот так, судари мои. А сейчас садитесь пить чай с крыжовенным вареньем. И чтоб никакого дыма в избе!

И сели они ладком да рядом. И стали
пить чай с крыжовенным вареньем
и ждать бабу Маню.

ГУСИНОЕ ПЕРО

История с дождем и поэтом

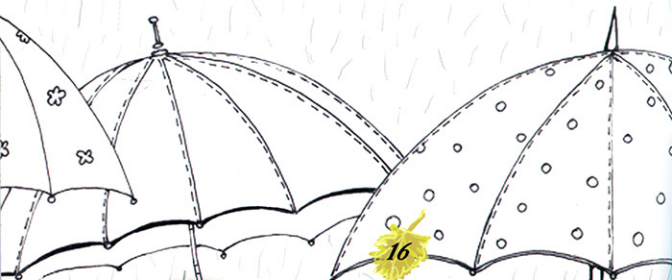
Да, судари мои, так все и было. Жил-был дождь. Вот он жил, а имени у него не было.

И оттого, что не было имени, как только его ни обзывали — и серым, и нудным, и пакостным, и морозящим... Представляете, судари мои? Мо-ро-ся-щий!.. Бр-р!.. Ну просто сердце кровью обливается!

Расстраивался дождь ужасно. Даже плакал потихоньку. А кому на безымянную свою долю пожаловаться? Некому. Были у безымянного братья, и много, да только к ним, красавцам, не подходи.

Да, судари мои, родные братцы у нашего дождя были все как на подбор! И Майский, и Грозовой, и Проливной, и Грибной, и прочие сильные развеселые ребята — все один к одному. А наш — ну просто как гадкий утенок какой-то.

И уж оставили бы его в покое, так нет! Гордые братья никак ему простить не могли такой несчащливости. Уж пеняли, пеняли! Не уставая. Ни пользы, дескать, от тебя, ни радости, один срам от людей.

Но однажды это случилось.

Вышел дождь одинокий и сырый за ворота, и так ему стало грустно, что распахнул он людям всю душу. А люди отворачиваются, носы прячут, скорей по своим домам норовят, да еще ругаются — тыфу, дескать, тыфу! — да хлоп-хлоп ставнями... Это какое же сердце выдержит! И оставил людей дождь, и пошел куда глаза глядят.

Долго ли, недолго ли скитался, а только так далеко зашел, что остался один на всем белом свете. Кругом даль-простор. Ветром со всех сторон обдувает. Сверху небо серенькое, снизу травка пожухлая. Прелым листом пахнет. Хорошо. Тишина такая хрупкая, что плакать хочется. И заплакал дождь сладкими слезами. И вся боль из него вышла.

Только видит: перед ним дом стоит. Небольшой, красивый, с колоннами. В доме, у открытого окна, человек сидит. Лицо ясное, глаза голубые, волосы непокорные, курчавые, в руке перо гусиное. Сидит и улыбается. «Какой необыкновенный человек!» — удивился дождь. Остановился даже.

— Что это ты, — говорит, — у окна сидишь и радуешься? Все люди от меня, несчастного, попрятались, калитки, ставни позакрывали — или спят, или телевизор смотрят.

— А что такое телевизор? — человек живо спрашивает.

— Как что?... — Наш дождь даже несколько смешался. — Телевизор — это чтобы смотреть, когда дождь... Не понимаешь? Ну, это ящик такой с картинками.

— А! Волшебный фонарь! Знаю, знаю, — говорит человек и смеется.

— Еще бы, — сказал дождь, переминаясь, — все знают... А только я смотрю на тебя и не понимаю: отчего ты улыбаешься? Рад чему?

— Да как же, брат, жизни не радоваться, сидя у открытого окна, когда дождь такой Поэтический!

— Это ты — про меня?! — спросил дождь, решив, что ослышался.

— Про тебя, про тебя, любезный! Ведь нынче здесь, кроме нас, никого и нет, брат: окрест ни души.

Дождь так и замер. И, оробев, почти прошептал:

— Послушай, брат... Я прошу, повтори, пожалуйста, как ты давеча сказал про меня? Какой же я?

— Ты — Поэтический!

И голубоглазый человек, словно в подтверждение своих слов, плавно повел в воздухе гусиным пером...

«Поэтический», — повторил про себя дождь...

— А ты мне правду говоришь? — все так же робко, шепотом спросил он удивительного человека. — Ты не обманываешь меня?.. Я что, и в самом деле?.. — И дождь постеснялся произнести свое обретенное имя.

Человек от души засмеялся — и говорит:

— Помилуй Бог! Да как же можно врать, когда я сам Поэт!..

— Понимаю, — прошептал дождь... и застыл в воздухе.

А потом вдруг как развернется, как вскинется, как побежит назад, ко всем людям! Сам не свой сделался. Просто не дождь, а ливень!

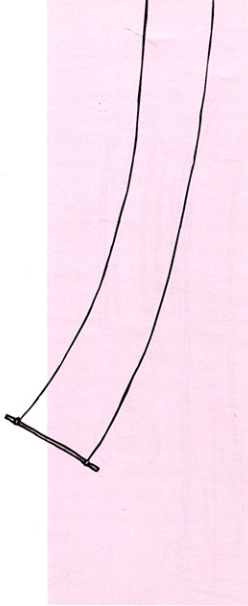
Но прошло время — успокоился дождь, и домой пришел несуетливым, умиротворенным: тихо и хорошо было у него на душе.

Вот так, судари мои, наш дождь и нашел свое имя. И после той памятной встречи он в тишине и покое живет вместе с нами.

Но раз в году, осенью, в особое время, в час особый, он приходит к небольшому красивому дому с колоннами и долго-долго что-то шепчет у закрытого окна.

И люди слышали, что в этот час он повторяет имя Поэта.

ЧАСЫ С ПОПУГАЕМ
История с городской башней

Мил-был поиграй.
Звали его Борисов.

Жил-был попугай. Звали его Борисов. Он был, конечно, ученый и говорящий, иначе какой же смысл быть попугаем. И никто не сомневался, что попугая Борисова ждет прекрасное будущее. Сам он был в этом уверен. Ведь помимо того, что был он весьма учен и говорил практически без ошибок, наш Борисов был невероятно красив. Какой же судьбы можно ожидать попугаю с такими достоинствами!

А работал он в зоопарке. В отделе заморских птиц.

Он сидел в золоченой клетке, изящно шаркал ножкой, кланялся и говорил: «Привет вам, друзья, от Борисова!»

О, такая работа совсем не проста, судари мои, она требует большого труда и таланта! Но Борисов справлялся с работой просто великолепно. Публика ахала и платила большие деньги. Заведующий отделом заморских птиц вручал дамам карточки с изображением своего одаренного попугая и номерами собственных телефонов. А наш Борисов блистал и знал себе цену.

И вот как-то раз блистательного Борисова увидел знаменитый дрессировщик-укротитель по имени Арчибалд Пузов. Укротитель был так знаменит, что уже одним своим видом тотчас укрощал всех, кто встречался ему на пути, начиная с директора цирка и кончая слонами и птицами. Так что не удивительно, что он укротил и Борисова, попугая исключительно деликатного.

Но знайте, судари мои, что нашего попугая Борисова знаменитый Арчибалд Пузов укротил до такой степени кротости, что сделал из него галстук для своего любимого льва Левочки. И вот в таком необычном виде Борисов начал служить в цирке.

Левочка был пижон. Он всегда выходил на арену в шляпе-котелке, с большой сигарой и тросточкой. И жонглировал. Он жонглировал шляпой-котелком, сигарой и тросточкой. Зрители каждый вечер кричали: «Браво, Левочка! Браво!» Но лев не считал это полным успехом. Для полного успеха Левочке всегда чего-то не хватало, он и сам не знал, чего именно. А выяснилось, что не хватало ему лишь одного — живого попугая в виде галстука. Левочке нужен был Борисов на шее. И он его получил. И крики публики: «Браво, браво, Левочка!» — зазвучали под куполом цирка еще сильнее.

Борисов старался как мог. Быть галстуком на шее великого артиста — могучего льва, — это совсем не то, что разгуливать в собственной клетке. Если трудиться в зоопарке было не просто, то служить в цирке — еще труднее. Работа была нервная. Но попугай не жаловался. Он верил в свое будущее и знал себе цену.

Однажды это случилось.

Левочка жонглировал. Борисов блистал на шее. А знаменитый укротитель Арчибалд Пузов снисходительно улыбался и кивал публике.

И вдруг откуда-то сверху, из последнего ряда послышалось: «Браво, Борисов!»

Это было так неожиданно, что Левочка споткнулся на ровном месте. Шляпа-котелок, сигара и тросточка упали на опилки.

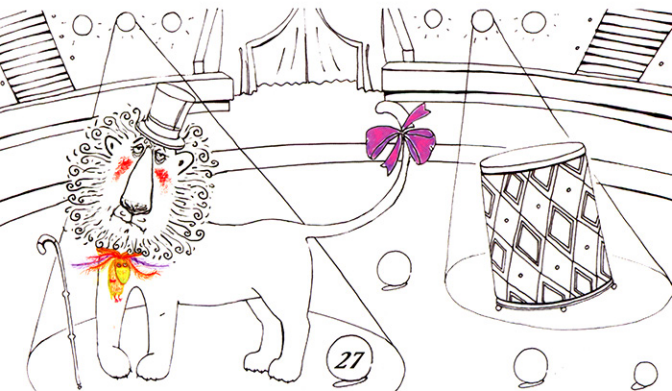
«Может быть, я ослышался?» — подумал Левочка. Но сверху тот же голос прокричал еще громче: «Браво, Борисов!» И все зрители подхватили: «Браво, браво, Борисов!»

Такого еще не бывало. «Я, кажется, обиделся», — неуверенно подумал Левочка. А раскатистые крики — «Браво, Борисов!» — нарастали. Они набирали силу. И, подумав еще немного, Левочка сказал себе: «Да, я обиделся». И он с надеждой посмотрел на Арчибалда Пузова.

Но что такое? Знаменитый укротитель в первый раз выглядел на арене растерянным. Он пожал плечами, развел руками — и не нашел никаких слов.

А публика уже забыла про Арчибалда, публика скандировала: «Бо-ри-сов! Бо-ри-сов! Бо-ри-сов! Браво-о!»

«Какая черная неблагодарность! — возмущался про себя Левочка. — Я знаю, эта публика за глаза называла меня пижоном. Но как бы ни называла, это я — великий артист цирка. Это я — звезда

арены. Это я виртуозно жонглирую шляпой-котелком, сигарой и тросточкой. А что такое Борисов? Он лишь топорщит перья на моей шее, изображая галстук. Жалкий попугай. О, какая неблагодарность!»

Но Левочка сохранил львиное достоинство. Он поднял шляпу-котелок, сигару и тросточку, вежливо поклонился, поправил галстук и гордо ушел с арены.

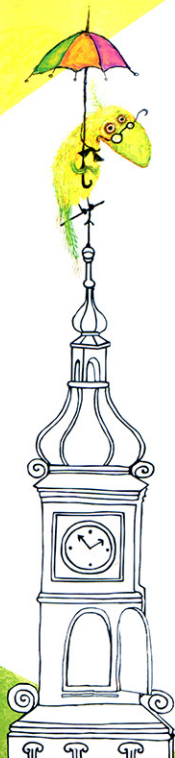
Судари мои! Левочка так хорошо поправил галстук, что Борисов после этого заболел. Он болел долго и тяжело. Только тот, кто хоть раз по-настоящему хворал, поймет, каково было нашему Борисову. По правде говоря, он едва выжил. Но, главное, выжил!

И тут бы радоваться, что тяжкий недуг позади, да вот беда: выжить-то Борисов выжил, но то ли от нервных переживаний, то ли от избытка таблеток, уколов и трав, уж неизвестно отчего, а только красота его померкла. Ведь он был просто неотразим, а знаете, на кого он стал похож? Блистательный попугай стал похож на старую, облезлую ворону. Это ужасно, судари мои. Конечно, и таким, как вороны, есть место на белом свете, но только не в цирке. Поверьте: на арене таким места нет.

И Борисову пришлось выбирать: или уходить на пенсию, или — на все четыре стороны!

Борисов выбрал — все четыре стороны. Потому что все еще верил в свое будущее и знал себе цену. Не все потеряно, судари! — так он решил. И взмахнул крыльями.

В одной из четырех сторон был зоопарк с милым его сердцу отделом заморских птиц. Но там его подняли на смех. И громче всех смеялся заведующий.

Привет вам, друзья, от Борисова!
Сердечный вам всем привет!

В другой стороне жили настоящие вороны. Там его заклевали. Он еле спасся.

В третьей стороне он увидел новый цирк. Но из прежнего цирка его уже прогнали, в новом цирке будет не лучше прежнего.

Что же ему оставалось? Борисову оставалась четвертая сторона. Там стояла старинная городская башня с давно уже сломанными, заржавевшими курантами.

С тех пор он там и живет.

И это хорошо.

А что особенно радует, судари мои: с тех самых пор все жители города перестали опаздывать на работу и на свидания. Потому что ровно каждый час, ни минутой позже, происходит нечто замечательное. С приятным скрипом открываются ржавые дверцы старинных курантов, чуть выдвигаются небольшие подмости — и выходит наш замечательный попугай. Только никому не говорите, что он похож на ворону; а впрочем, если даже и скажете, горожане вам все равно не поверят, особенно когда в небесах над башней ярко светит солнце.

Блестящий попугай шаркает ножкой и возвещает:

— Привет вам, друзья, от Борисова! Сердечный вам всем привет!

СЛАВУШКА
История с хулиганом

Жил-был хулиган. Так все его и звали — хулиган. Имя у него, конечно, было, как у всех нормальных людей семи лет от роду. Но никто этого имени признавать не хотел. Хулиган — и все тут.

И были у него: мама, папа, бабушка и даже кошка Ньюска. Много чего было у человека семи лет от роду, даже большой город за окном.

Одного только не было — интересу.

Где он только его не искал! И у мамы в шкафу искал, и под кроватью у бабушки шарил, и в столе у папы все перерыл — нет нигде! Обидно.

А еще обидней, что родители про его поиски даже слушать не желали. Они сердились ужасно: «Ах ты, хулиган, хулиган, опять всю квартиру испортил, все вверх дном, вверх тормашками!»

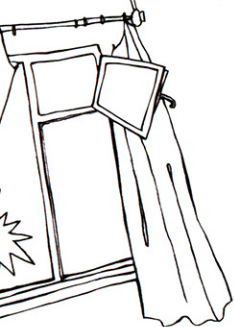
Но хулиган не сдавался. Он кошку Ньюску про интерес допытывал. А бесполезно. Молчит кошка Ньюска. Зато бабушка не молчит: «Ах ты, хулиган, оставь Ньюску в покое, не мучай бессловесное животное!» Бессловесное животное вырвалось из рук испытателя, бросилось под диван и до полудня орало как заведенное — и все про что-то свое, наболевшее, но только не про интерес.

Что делать хулигану? Если в доме интереса нет как нет, надо во дворе искать.

Стал искать во дворе. Весь двор обошел — и туда и сюда. И все без толку. В клумбу залез — вдруг в цветах интерес прячется? А тут как выскочит тетя-соседка, как выпрыгнет — и давай соседей созы-

вать. У теточки имя звонкое — Зеленый пат-
руль! А голос почище и позвончее кошки
Нюски! Всех соседей созвала. И все хором
как запели стройно и грозно: «Ах ты, хулиган-
хулиганище, ты всю клумбу истоптал, ты пору-
шил все цветы! Уходи-и-и!»

А куда деваться? Совсем заскучал хули-
ган. И что за жизнь — никакого интересу!

Однажды это случилось.

Лежит хулиган дома на диване, в потолок
смотрит. Скука.

Вдруг видит: по подушке кто-то скок-скок.
Мужичонка. Да маленький такой, с ноготок, в
кепчонке серой, глаза, как бусинки.

Удивился хулиган.

— Ты кто такой? — спрашивает.

— Я-то? Интерес!

Не поверил хулиган.

— Какой же ты, — говорит, — интерес? Два
вершка ниже горшка, что в тебе проку?

Насчет проку мужичонка ничего не сказал.
Но кепчонку на нос сдвинул и спрашивает:

— А тебе что, большой интерес нужен?

— А то!

— Ладно. Повторяй тогда за мной волшебные слова:

Шла телега темным лесом

За каким-то интересом.

Интер-интер-интерес,

Выходи на букву «С»!

И только повторил хулиган эти слова, видит — что такое? — едет он на телеге, кругом темный лес, а впереди телеги — мужичонка шествует.

Мужичонка ручонками машет и хулигану так объясняет:

— Сейчас, — говорит, — станции пойдут. За каждой станцией свой интерес поставлен. Какой интерес выберешь, на той станции остановишь.

А глазки у мужичонки хитренькие!

Вот едут они, едут. Лес кончился, дорога прямая открылась. Вдоль дороги домики стоят беленькие. У каждого домика крыша черепичная, на крыше труба, над трубой дымок вьется. Подъезжают к первому домику.

Мужичонка объявляет:

— Станция Сказочная, самая страшная!

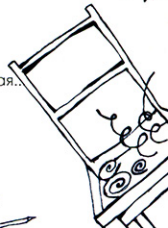
Молчит хулиган.

Едут дальше.

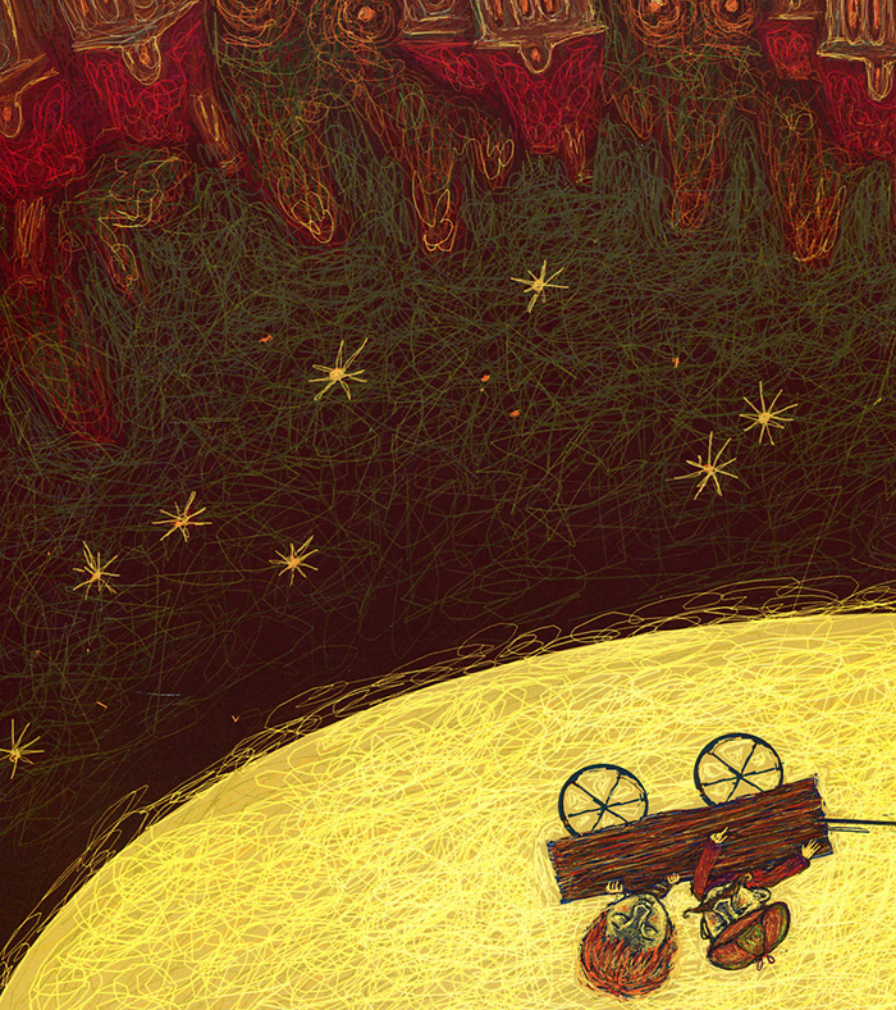
— Станция Сонная, самая счастливая!

Молчит хулиган.

И пошло-поехало... Станция Сахарная, самая сладкая...
Станция Солдатская, самая смелая...

И чего только не проехали! И станцию Сумасбродную. И Сокровенную. И Собачную. И даже какую-то непонятную станцию Специальную.

А хулиган все молчит. Никак выбрать не может: глаза разбегаются.

И вот уж все домики позади. Сколько их было, мимо всех проехали.

— Слезьте! — говорит мужичонка. — Проспали вы свой большой интерес.

— Как так? — закричал хулиган.

— А так — проспали!

Хулиган — в рев! Все пропустил, все проехал, ничего не вернуть! Заревел... и проснулся.

Лежит и плачет на своем диване, а возле дивана папа стоит, мама стоит, бабушка и кошка Ньюска.

— Проспал, проехал я свой большой интерес! — плачет хулиган.

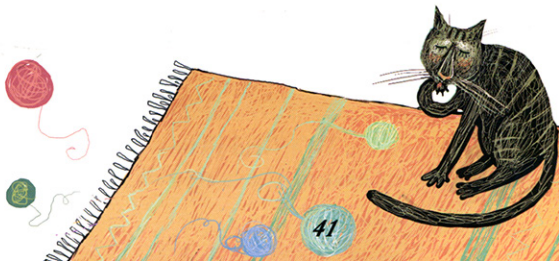
А бабушка ему говорит:

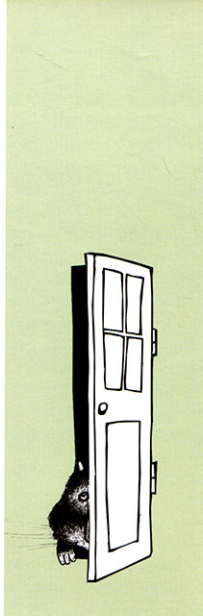
— Не плачь, миленький, не реви. На что тебе большой? Смотри, сколько вокруг маленьких раскидано. Я сказку расскажу — интерес. Мама пироги печь научит — опять интерес. Папа на карте разные города и страны покажет — новый интерес! А Ньюска с тобой в «кошки-мышки» поиграет — разве не интерес?

Слушает хулиган бабушку и видит — на плече у нее сидит мужичонка. Сам маленький, кепчонка серенькая, и глазками-бусинками сверк-сверк. Хитренько так.

С тех пор хулиган с интересом не расстается. А чего далеко ходить, когда интерес всегда при нем — в кармашке сидит.

Ох, извиняюсь, не хулиган вовсе! Про это, судари мои, все и думать забыли. Сладушкой зовут. А мама — так даже солнышком.

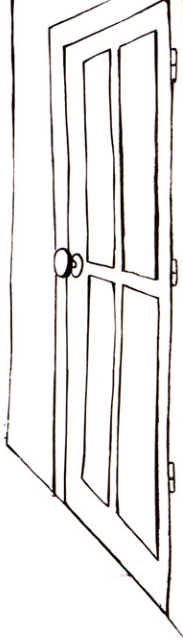

ЖИЛ-БЫЛ КОТ
История с музыкой

Жил-был кот. Звали его Василием. Котом он был не простым, а музыкальным. Это признавали все. Это признавал он сам. Василий любил классическую музыку. В доме был проигрыватель, старый и теплый, с коричневой крышкой и зеленым огоньком. Это было место Василия. Там, на коричневой крышке, он лежал, свесив голову и поглядывая на зеленый огонек, и слушал — Музыку. И, слушая, подпевал: «Мур, мур, мур — музыка, музыка, музыка!» А популярные песенки Василий не любил. Когда все это начиналось, он обижался, выгибал спину, причем шерсть становилась дыбом, говорил: «Фрр-р, безобразие!» — и уходил на кухню к Дусеньке.

Дусенька тоже была старая и теплая. Она жалела Василия и уносила его в свою комнату. Комната была хорошая, в ней пахло Дусенькой и немного нафталином. Нафталин Василий терпел ради Дусеньки, но не любил. Еще не любил он другого кота. Другой кот был вышит на подушке. Он был почему-то оранжевый, с большим бантом и колючими усами, и Василий его презирал. Презирал он и всех остальных котов. Остальные коты были дворовые, злые и нервные, Василий с ними даже видаться не хотел. Но и этого, с бантом, он терпел ради Дусеньки, потому что у Дусеньки был патефон.

Какой хороший был патефон! И что с того, что у патефона не было коричневой крышки и зеленого огонька и на нем нельзя было полежать, но Дусенька ставила пластинку, пластинка поскрипывала, но это была совсем особенная Музыка — и Василий отходил душой.

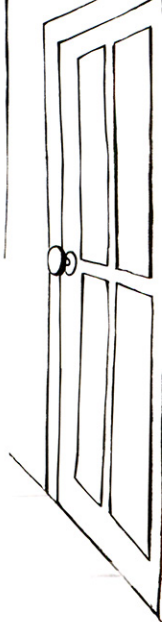
Однажды это случилось.

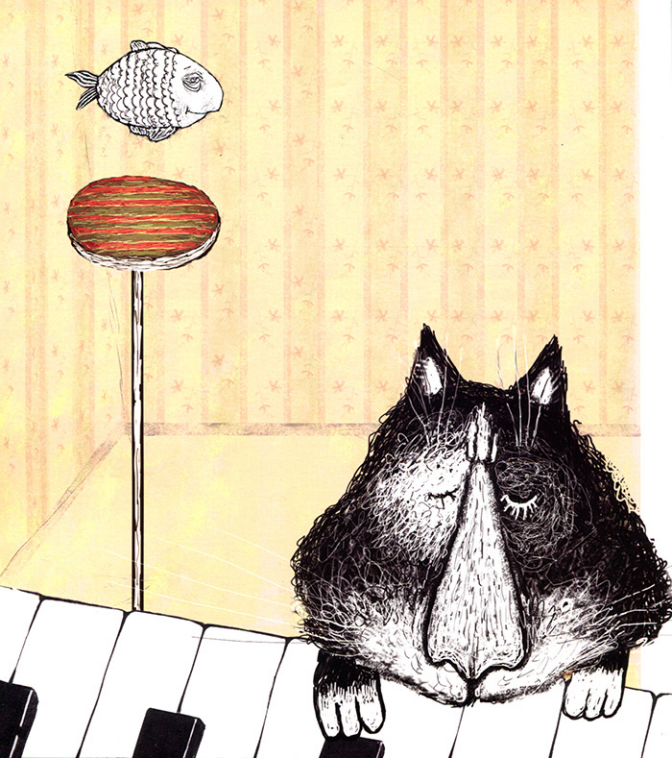
Старый проигрыватель куда-то отнесли. На его место встал большой-пребольшой гладкий ящик, и вся жизнь изменилась. Ящик был такой большой и такой гладкий, что Василию стало не по себе.

Ящик назывался роялем. Слово «рояль» тоже было гладкое и противное. На рояле стал играть Петя. Музыки не было — было что-то ужасное. Патефон спасти не мог, перегородки были тонкие, и Василий затосковал. Он сидел в кухне на подоконнике, это было его второе место, и тосковал. Он потерял аппетит, полинял, стал злым и нервным, как дворовый кот, и сам себя презирал. Дусенька плакала и шептала: «Извели кота, извели!»

Но в один прекрасный день пришел Он.

Он был не старый и не молодой. Когда он вошел, Василий разволновался, потому что от него повеяло Музыкой. По углам зашептали: «Педагог!» Слово было высокое и острое, слово застряло в горле, но Василий

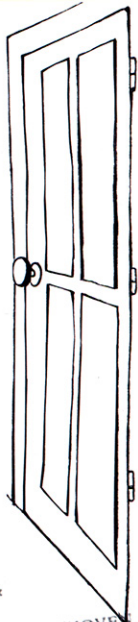

стерпел. Педагог от чая отказался. Он сел к роялю и сказал: «Ну-с, проверим инструмент!» Он потер руки, чуть покрасневшие от мороза. Потом он положил руки на клавиши... и дом наполнила Музыка! Сделалось тепло и спокойно. Василий лежал на рояле, крышка была гладкая и теплая, и была Музыка. Василий подпевал: «Мур, мур, мур — музыка, музыка, музыка!» — и педагог улыбался. Василию хотелось, чтобы так было всегда.

Но Музыка кончилась, и за рояль сел Петя. Началось мучение. И Василий ушел в переднюю. Он сел под дверь и стал ждать. И он дождался.

Вошел педагог, и вместе с ним — мама. И она говорила: «Неужели так безнадежно?» «Абсолютно! Никакого слуха! Не советую!» — сказал педагог и вышел за дверь. И Василий вышел за ним.

Он шел за ним через весь город. И хорошо, что педагог не захотел поехать на трамвае, потому что трамваи ничем не лучше дворовых котов. Педагог, наверное, трамваи презирал.

И они пришли.

Дверь открыла жена и, сдвинув брови, сказала сердитым голосом: «Что за тварь ты привел?» Педагог посмотрел на Василия и улыбнулся: «Это не тварь! Это музыкальный кот». «Хватит с меня музыкального мужа!» — сказала жена и ушла в комнаты. «Ничего не поделаешь, — вздохнул педагог, — такая жизнь! Ступай-ка ты, брат, домой». И закрыл перед Василием дверь. Василий немного, из вежливости, посидел перед закрытой дверью, но он был гордый кот. И потом, он был старый кот, не пристало ему долго сидеть на лестничной площадке. И он пошел домой.

Дома был скандал. Молчал только рояль, все кричали. Василий сел на подоконник и стал ждать, когда закончится шум. Он ждал три дня.

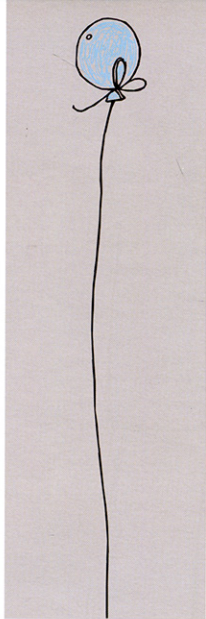
И пришел другой педагог. Он был молодой, и от него не пахло Музыкой. От чая он не отказался. Потом он сел к роялю и стал выстукивать так, что получались черные и белые ступеньки. Потом стал выстукивать ступеньки Петя. Им не было конца. Они вс

выстукивали ступеньки, а Василий сидел и мучился. Потом он устал мучиться и уснул. И приснился ему страшный сон.

...Много ступенек. И вытягиваются они в огромную лестницу. И лестница все растет и растет. И Василий ползет по ней все выше и выше. И у него уже нет сил. И болят лапы. А наверху кто-то высокий и черный. И Василий знает, что надо доползти, добраться, — и будет Музыка. И вдруг высокий и черный превращается в того оранжевого с бантом. И усме-
хается в усы, и говорит: «Я презираю вас, Василий!» И Василий с воплем катится вниз.

Проснулся Василий от собственного крика. Была ночь, и светила луна. И понял кот, что он пропал.

И он пропал.

ВОЗДУШНЫЙ И СЧАСТЛИВЫЙ
История с шариком

Жил-был воздушный шарик. Самый счастливый воздушный шарик на свете. Потому что он был наполнен счастьем. От счастья у него даже немного кружилась голова. И, конечно, он был самым легким и самым воздушным из всех шариков, когда-либо поднимавшихся высоко в небо.

По ночам он любил залетать в открытые окна. Он неслышно садился на кровати, в которых спали дети. И отдавал им свое счастье. Дети смеялись во сне, и шарик становился еще легче и еще воздушнее.

Однажды это случилось.

Наш самый счастливый воздушный шарик попал в странную комнату. В комнате было семь кроваток. В кроватках спали дети, но спали они как-то странно. Они плакали во сне, звали маму и просили пить.

И шарик понял, что он попал к больным детям — он попал в больницу.

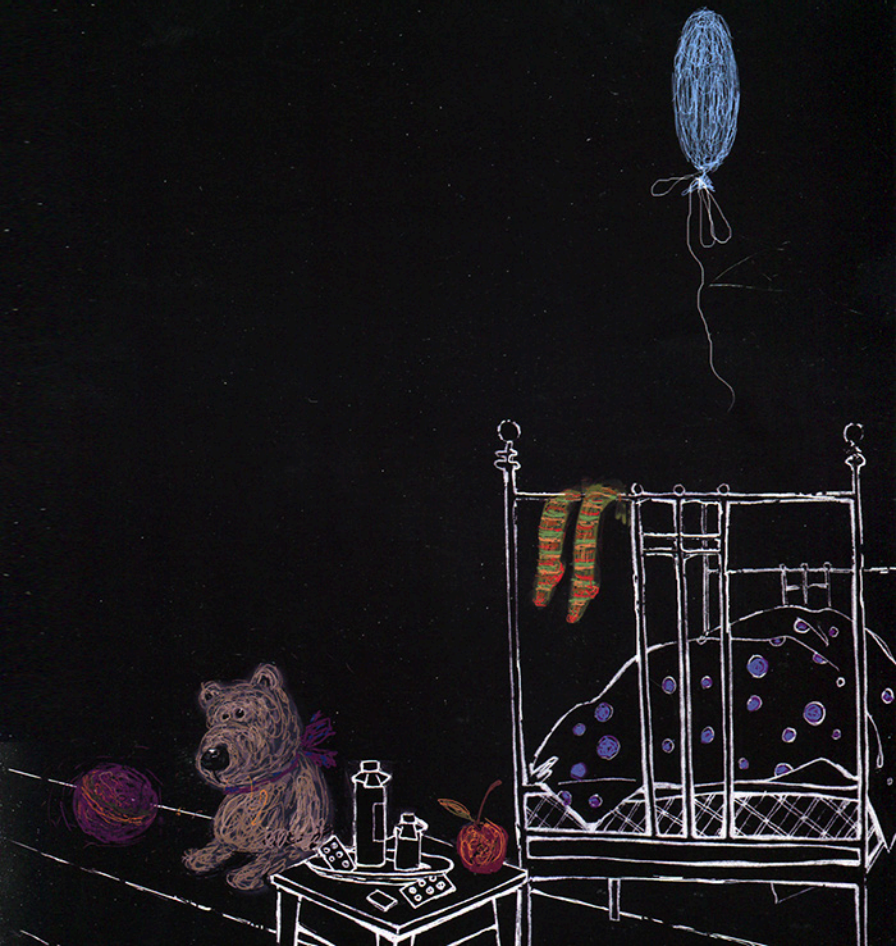
Он стал летать от кроватки к кроватке — и дети переставали плакать, сон их становился спокойнее, лица их светлели и на губах появлялись улыбки.

Но с каждым разом шарик все больше и больше худел. Ему нечем было наполнить себя. А дети были еще очень слабенькими, они не успели привыкнуть к своему счастью. А шарик наш уже догадался, что больным детям счастья нужно больше, чем здоровым.

Когда он опустился на последнюю седьмую кроватку, то был уже совсем маленьким и сморщенным. Но в нем еще оставалось немножко счастья, и он, не задумываясь, отдал его малышу.

Больше шарик взлететь не мог. У него ужасно разболелась голова. Он ничего уже не видел.

Он не видел, что дети начали смеяться во сне — во сне они выздоравливали.

И когда дети проснулись утром — совсем здоровые и веселые, то самый младший закричал: «Смотрите, что я нашел!» В руках он держал маленькую сморщенную тряпочку. Это было все, что осталось от счастливого шарика.

«Шарик! Шарик! — закричали дети. — Давайте надуем его!»

И они стали надувать шарик. Они делали это по очереди, и все очень старались. И шарик стал наполняться...

Он наполнялся счастьем. Ведь у детей всегда получают счастливые шарики — не то что у взрослых.

И вот, наконец, все вместе они надули воздушный шарик, и он стал таким огромным и таким счастливым, каким никогда раньше не был.

От счастья у него совсем закружилась голова, и он взлетел высоко-высоко, в самое небо.

А дети смеялись и махали ему из окна.

СОДЕРЖАНИЕ

Чай с крыжовенным вареньем

5

Гусиное перо

15

Часы с попугаем

23

Славушка

33

Жил-был кот

43

Воздушный и счастливый

53

Карпичева Марина Дмитриевна

ЧАСЫ С ПОПУГАЕМ

Волшебные истории

Оформление

Беллы Прибыловой, Галины Поповой

Редакторы: *В. Х. Катаев, Э. Т. Яковлева*

Корректор: *Н. Н. Жильцова*

Верстка: *В. В. Яковлев*

литературно • издательское
агентство

ISBN 5-9705-0015-1

9785970500156

